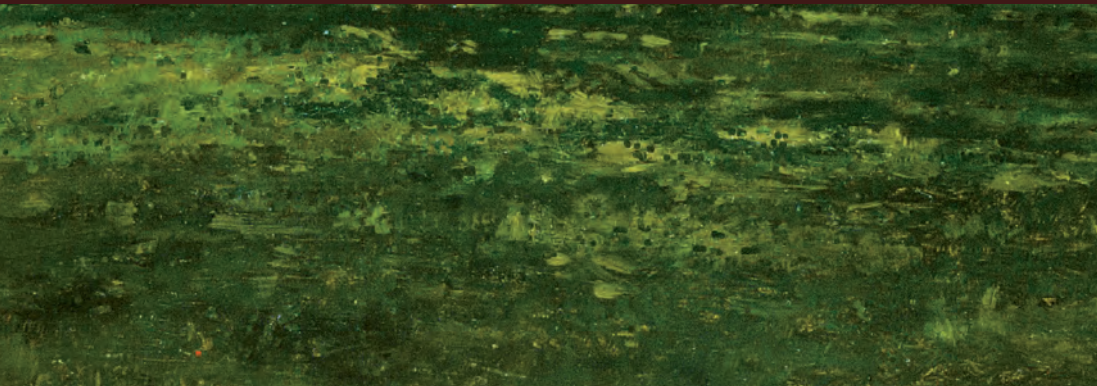


Антон Чёрный



Зелёное ведро

Антон Чёрный

Зелёное ведро

Москва

«Воймега»

2015

УДК 821.161.1-1 Чёрный
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Ч49

Художник серии: Сергей Труханов

Чёрный, Антон
Ч49 Зелёное ведро / Антон Чёрный — М.: Воймега, 2015. — 64 с.
ISBN 978-5-7640-0167-8

© А. Чёрный, текст, 2015
© С. Труханов, оформление, 2015
© «Воймега», 2015

Ваня где-то там

* * *

Стоит зелёное ведро.
В ведре лежит Гагарин:
Орденосец и герой,
Простой советский парень.

Его Леонов опознал
По родинке на шее.
А там, где самолёт упал, —
Воронка и траншея.

Лежит ребро, скула и бровь,
Как жуткие детали.
Обугленная грязь и кровь
Стекают по эмали.

Не верится, что это он.
Одной рукой несомый,
В какой кошмар он погружён?
В какую невесомость?

Солдаты ищут дотемна
Ошмётки и останки.
Горит звезда, горит луна,
Как орденские планки.

Настала полночь на часах,
И мрак слегка сгустился
В огромных чёрных небесах,
С которых он спустился.

* * *

Давай я продолжу, а ты начни:
Как шурина пришёл со своей Чечни,
Как рушил заборы, кого-то душил
И что-то живое ножом потрошил.
Короче, гулял от души.

В райцентре взял белую «Волгу», букет,
И длилась попойка тысячу лет
И ещё восемнадцать дней.

Сорил «боевыми» и чушь молол,
Колол себе свастику — недоколол.
Какие-то буквы над ней.

И криком крича: «Сатана! Сатана!» —
Бежала без тапок его жена.
Казалось, бежала от зычного «бля»
Без тапок сама земля.

А «Волга» всё едет — месяц, год.
И ей в лобовуху метёт, метёт.
Мой шурина с Чечни по воде идёт.
Идёт и никак не дойдёт.

* * *

Тебя, мой самый лучший папа,
Того и этого люблю.

А. Переверзин

В далёком детстве адвентисты,
А может быть, иеговисты,
А может, как их там, баптисты,
Такие, сладкие с лица, —
Меня учили чтить Отца.

Учили: грех — вражда и злоба.
Дарили комиксы про ад.
Сказали, что за дверью гроба
В нём жарятся все, кто не чтят.

Но, верный клятве пионерской,
Я их уроков не учил
И этой пропаганде дерзко
Не верил. И Отца не чтил.

Нас батя не пускал к сектантам,
Но поздняя свершилась месть:
Нравоучительным диктантам
В подкорке удалось осесть.

И вот, себя не понимая,
Стыжусь, вздыхаю и терплю:
Отца земного обнимаю
И в нём небесного люблю.

* * *

Бабушка говорит:
Помню, горит, горит.
Зарево за бугром —
Папин аэродром.
Помню: бегу, боюсь.
Грохот на весь Бобруйск.
Не узнаю квартал.
Юрка потом пропал.

Нет у меня наград,
Значится, нет и льгот.
Я не смотрю парад
Вот уж который год.
Сколько воды ни лей,
Помнить всё тяжелей.
Хватит уж про войну.
Ну её, сатану.
Горе и вороньё.
Хоть помереть без неё.

* * *

В посёлок по болоту
Вела гнилая гать.
Но в темноте пилоту
Нетрудно проморгать.
И в пузо топи мшистой,
Роняя парашют,
Проклятые фашисты
Втыкались там и тут.

За парашютным шёлком
И крепкою стропой
Гоняли всем посёлком,
Весёлою толпой.
Всех девок приодели
В немецкие шелка.

К концу второй недели
Нагнало облака.
До края небосвода
Легли они, легки.

«Нелётная погода...» —
Вздыхали старики.

Ноги моего отца

Родная проходная.
Разграбленный завод.
Его тропа иная
В поход уже зовёт:

Базарные аулы,
Палатка на углу,
Огромные баулы
На ледяном полу.

Надорванные жилы:
Вся простыня в крови.
Вот так мы, брат, и жили.
Как хочешь назови.

Тут скальпельные шрамы
Почётней боевых
Для постаревшей мамы
И братьев четверых.

Мозоли этих пяток
Наш вес несли всегда:
И в девяносто пятом,
И в прочие года.

Как некие итоги,
Как времени куски,
Запомни эти ноги:
Узлы и бугорки,
Вонючие носки,
Седые волоски.

1982

ровесникам

На руках у мам смеются дети.
На руках у бабушек — внучата.
Едут, едут дяди на лафете:
Волосатый — лысый — волосатый.

И звенят, пока ещё легки,
Первые последние звонки.

Ты не бойся страшного чубайса,
Ты соси, соси пустую грудь,
Жри, дитя, плодись и размножайся,
Клятву пионера позабудь.

Может, ласка, ящерица, птица,
Может быть, простой металлолом —
Что-нибудь когда-нибудь родится
В сердце недоделанном твоём.

* * *

Хочу всё сжечь: тетради и блокноты,
Десятилетней давности билеты
В кинотеатр, которого уж нет.

Наделаю бумажных самолётов,
Повытрясу все пыльные пакеты
И спичку поднесу: да будет свет.

Вот только этот фантик я оставлю
От съеденной на Новый год конфеты,
Автографы Чижа и ДДТ,

Значок «Гора» от пламени избавлю,
Заезженные Кобейна кассеты,
Ещё вот эти мелочи и те:

Афишу «ОНД» и группы «Лето»
(У них там был концерт в «Реальном мире»)
И сувенирный украинский флаг.

Да будет свет. И наполняет светом
Мой милый хлам углы в моей квартире.
А я сижу и плачу, как дурак.

Памяти Ивана Волоснова

Писал стихи мой друг Иван.
Давал переписать.
И где-то тут был чемодан,
И в нём была тетрадь.

Иван неважный был поэт
И в рифму не умел.
Казалось, он один куплет
Неровной прозой пел.

Потом погиб мой друг Иван.
Я стал тетрадь искать.
И вроде вот он, чемодан,
Засунут под кровать.

Покоя нет моим рукам.
Я словно рою ров.
Как будто Ваня где-то там,
В горе черновиков.

Непроходимый в горле ком.
Невыносимый свет.
Все рукописи кувырком.
И только Вани нет.

* * *

Дети! Учебники к чёрту!
Правды там нет, соколики.
Так в девяносто четвёртом
Нам говорили историки.

Злые мои волшебники,
Смуты отцы и сомнения,
Черти, верните учебники.
Мы доросли до чтения.

* * *

Нас кидали сразу за бóрт —
То ли опыт такой, то ли спорт.
Некогда было учить
Выплывать, ногами сучить.
У героев, которые мочат,
Должно быть, кого мочить.

Вот и выросли слабаками,
Недоносками, тюфяками.
И когда слепыми щенками
Нас потащат на Божий суд,
Мы заплачем, сожмёмся, закрывшись руками,
Как будто руки спасут.

* * *

Катая, мусолим во рту немоту.
Навеки во рте поселился детсад.
Измучены детством, мы хотим назад
Нянюку, бибику, ду-ду и ту-ту.

По контурным картам, по белым полям
Учились, по выброшенным букварям.
Нам Филя и Хрюша камлали судьбу,
Но телик сломался: бу-бу да бу-бу.
Нам дядя Володя показывал плеть:
Мол, дети, вам лучше вообще не взростеть.

О, впавшие в детство! О, впавшие в дядь!
О, как ваши души смердеть!

Пусть кто-то услышит, пусть кто-то придёт,
Пусть кто-то тебя непременно найдёт
И скажет:
Не шаркай ногами.
Не сутулься.
Ешь с хлебом.
Хватит паясничать.
Веди себя прилично.

Панельный человек

брату Колобку

Что-то всё-таки с нами сделали
Эти гнёзда многоэтажные,
Этот крошащийся цемент между плитами,
Эти чахлые саженцы в глинистых дворах,
Разъявленные котлованы и брошенная арматура,
Заросшие холмы стройплощадки,
Жёлтый лёд затопленных подвалов,
Гулкая пустота недостроенных корпусов,
Битые линзы в промасленной земле,
Заколоченные вагончики, где я украл чайник,
Медленные руки башенных кранов,
Репей и лопухи в недостроенной поликлинике,
Мутная тинная Золотуха,
Гаражи, гаражи, гаражи.
Что-то всё-таки они сделали с нами нужное,
Но кому?

* * *

Науки не найти полезней:
Моим друзьям проведены
Уроки ранней седины
И преждевременной болезни.

Быть может, наш удел таков:
Мы ищем Бога в человеке
Под грохот пьяной дискотеки
На вечере выпускников.

Печальная свадьба

Морось ниспускается.
Водная мелочь — не разобрать аверс и реверс.
Искрящийся рис на свадьбе памяти и боли.

Полупросохшая, мягкая, если наступить, лужа,
В которой я ловил жука-плавунца
Пятнадцать лет тому назад.

Гулкие коридоры, пахнущие отсутствием
Людей.

Скрипучий пол, хранящий холод моих детских шагов,
Почти смытый несколькими поколениями уборщиц.

Тропинка —
Там поганки и клещи.
Теперь туда уже можно ходить, но не хочется.

Воздух секут листья, прохладно плача.
Глаза закрываются.
Пропадает дорога, деревья —
Скорбные гости на моей свадьбе с самим собой.

Последним исчезаю я.

Садик

Катится так за неделей неделя.
Утренник 22-го апреля.
Майские. Пасха. Кулич.

Катятся капли блестящего пота.
Это выходит из нас позолота —
Мертворождённый Ильич.

С тех самых пор хороводы мы кружим,
Песни поём, потому что мы дружим
С маленьким Ильичом.

Колется он нержавеющей сталью,
Пятиконечной багровой эмалью,
В ране забытый врачом.

Займище

Дожди

Дожди который день, и как нарочно
Дочитан нескончаемый Толстой.
А мне шестнадцать. Мне в деревне тошно.
Беру тетрадку и пишу: «Отстой».

Намокшие заборы почернели,
Суглинок оползает в колею.
Я исписал к концу седьмой недели
Четыре пасты, а дожди всё льют.

Ночами в пойме пенились туманы,
Слоились в почернелом ивняке
И падали пластами на поляны.
Я не пишу об этом в дневнике.

О том, как молча холодело лето
И тяжелела августа печать
Над Займищем. Я не пишу об этом.
Я слишком счастлив, чтобы замечать.

Потолок

Разворотами газет
Клеен потолок.
Их выписывал сосед,
Про запас берёг.

«Красный Север», «Правду», «Труд» —
Ляпали внахлёст.
Ночью поверху бегут
Буквы вместо звёзд.

Пожелтелый, но живой,
Словно вялый плод,
У меня над головой —
Девяностый год.

Помню: загоняли спать.
Ляжешь — и молчок.
Под тобой скрипит кровать.
Над тобой — клочок:

Там бабачит Горбачёв
Среди «прочих лиц»,
И летит с его очков
Пыль передовиц.

Говорит он: «Райский сад
Строим в наши дни!
А газеты пусть висят.
Пусть пока что повисят.
Временно они».

Редиска

Поменьше слов. Побольше облаков.
Покуда ветер стих и месяц молод,
Пока июнь высок, и лук прополот,
И вянут сети сохлых сорняков.

Вот в этой грядке бы навек осесть
В бесправном положении редиски
В глухом краю без права переписки,
Куда доходит лишь благая весть.

Сентябрь

Картошка затарена. Гряды пусты.
На солнце спина высыхает от пота.
И видится, словно с большой высоты,
Как прошлым становится наша работа.

Как вешаем на зиму ставни, замки,
Как едем, и крыша вдали уплывает,
И в медленной вечности возле реки
Нетопленный дом на холме остывает.

Зима

Земля лежит под паром до поры.
Застыли глины рыжие бугры,
Посыпанные мелким ноябрём.
А остальное мы с собой берём:

Звон, грохот, суету и толкотню
Мы бережём к назначенному дню
За краем, в простирающейся тьме,
В своей далёкой городской зиме.

В молчании который день подряд
Декабрь идёт над холмиками гряд.
И далека грядущая весна,
Как Аргентина или седина.

Черенок

Покинув почву, одинокий,
Но счастлив жалкий черенок.
Преодолев пределы дней,
Он станет толще и длинней.
Ему бы вырасти в лесу,
А он суётся под косу,
И мановением клинка
Судьба вершится черенка.

Черёмухи

Века пройдут сквозь чахлый чапорыжник,
По зарослям борщевика.
На скоростях, как финский лыжник,
Пройдут века.

И вновь откроют чашечки соцветий,
Ловя заиндевелую росу,
Черёмухи. И заиграет ветер
Вон там, в лесу.

Века пройдут по кромке васильковой
В весёлом фиолетовом огне.
Необратимо, бестолково
Пройдут по мне.

Ячмень

Зелено до самой газотрассы —
На корма посеяли ячмень.
И по глади этой биомассы
Холодком проскальзывает тень.

Это наша жизнь полуслепая
Пригибает каждый колосок.
Это жизнь идёт, переступая
Осторожно с пятки на носок.

Это жизнь околицею тайной
Волочится медленно вперёд
И однажды в поле у комбайна
Тихо остановится, замрёт.

Säer und Schnitter

Хлеб насущный

из Хорста Ланге

Отрезав дням былым ржаного каравая,
Я ел и крошки собирал сперва
И сыпал из горсти, помалу отдавая
Столу, как пашне, где суглинок и трава.
Так летний край недостижимый мне явился,
В крови моей воспоминанием забился.

Я грезил, слыша тёплый дождик над стернёю всхожей,
Под тонким дёрном прела гниль, замытая водой,
Затем в высокой ржи мужчина с женщиной возлёт на ложе
И жарким ветром золотило колос молодой,
Я видел также, как свежо атели нивы,
Им гибель взмахами несли жнецы трудолюбивы.

Се достояние, что мне как невозделанный надел принадлежит,
Отцом отцов посеяно в начале дней,
Но мне уже неведом ход светил, чей отблеск пагубен для жит,
Забыты знаки в небе, на поверхности камней,
Места, где мёртвые лежат в покое,
Где их баюкает подземное течение колдовское.

Так дважды напитал меня сей плод, не мной взращён, и за столом
Жнецы умершие расселись, хлеб глазами пожирая,
А я давно забыл спасительный псалом,
Что мать читала, хлеб от порчи защищая, —
Ведь надо быть настороже, коль наши стены почему-то
Богам благословенным больше не дают приюта.

В смутное время
из Давида Гольдфельда

Косец тяжёл,
Молчит межа сырая.
Косой прошёл,
Посевы пожирая.

Я — стебелёк
И тоже скоро сгину.
Нам смерти срок
Во зрелую годину.

Посев помят,
Запутаны колосья.
Коса подряд
Крушит чересполосье.

Вблизи простор
Уже дрожит жестоко.
То жатвы сбор —
Плодов весны далёкой.

Мост

из Альфреда Маргул-Шпербера

Стволы двумя руками в мир вросли:
Одной раскрытой жадно ловят свет,
Другую запустив во мрак земли.

И, в вечном равновесии воздет,
Столетия шумит суровый ствол,
Исполнив роста радостный обет.

И сколь он сверху беззащитно гол,
Столь мощно укреплён корнями он,
Готов принять закон и произвол.

О ствол, ты — дивный мост, что наведён
Из мрака в свет, в сияющий закат,
С тобою рядом я заморожён:

Чем был бы я, лишённый всех услад,
Когда бы я был предан колдовству,
Скорбями заключённый в тесный ад?

Я — жалкий мост от зверя к божеству!

Песня смерти
из Давида Гольдфельда

От мёртвых приходим мы,
Не продлевая рода.
В пустое небо лезем мы,
Но в смерти нет исхода.

Текучесть вяжущих времён,
Нестойкая природа:
Покинем тело, как загон,
Но нет ни в чём исхода.

Мы, чья стопа едва жива,
Наш путь окончим рано,
Разбиты волей божества:
Как вещи, безымянно.

Похвала преходящему

из Хорста Ланге

Изъят из мрака чрева,
Как семя покидает плод,
Явился он у смерти на краю —
И боги взор с посева
Не сводят с облачных высот,
Клубами мчат к небытию.

Над ним по небосводу
Текут кометы древними путями,
Глаза его слепы и серы испокон,
И только год от году
Ясней небесными гостями
Давно начертанный закон.

Пусть расцветает лето,
Зелёный тянется листок
И в бороздах изнемогают семена,
Но даже песня цвета,
Земли рождающий исток,
Ему не внятна, не нужна.

Ведь каждой жизни новой
Дано начало брать из гибели чужой —
Из остывающих ладоней матерей,
Из черноты дерновой
Подняться телом над межой,
Достигнув участи своей.

Бег года

из Альфреда Маргул-Шпербера

Белые волы пахали поле,
Сеятель за ними шёл и пел:
Нива словно радовалась воле,
Всходу и закату звёздных тел.

Позже Дева вырывала колос.
Белым зубом раскусив зерно,
Диким маком украшала волос,
Проредив несжатое пшено.

Пахла терпко, как поля в округе,
Словно колос налитой, бела...
Ах, пришли по осени недуги
В чрево, в коем благодать жила.

Плод её затем сокрыли ясли,
Первый день посева стал далёк.
Зимние созвездия погасли,
Только плод сиял, как огонёк.

Обычное вещество

* * *

У тебя изломанный зуб коренной
и набитый немецкими книгами дом,
И жена, как другая страна, граничит с тобой бедром,
Когда ты отходишь ко сну, нажимаешь:
мобильник — будильник — на семь,
И лепечет с иконы Иисус: кто тут спрятался? я тебя съем.
И ноет повыше крестца будущий радикулит,
Но ты по привычке думаешь: это душа болит.
Это душа болит, колет, как золотая струна.
Что там ещё болит, если
Не она?

* * *

Чёрен мой мёд.
То ли от яда жал,
То ли долго лежал.
Кто уж теперь поймёт.

Нечего было мешать
Медленный сок сот.
Нечего было бросать
Дёготь, золу, помёт.

Горек и густ мёд,
Будто больной пот,
Что принесла пчела
С вянущего чела.

Падаю, но иду
В этом моём меду.
Перебродившем бреду.
Засахаренном аду.

* * *

Снится мне, как я иду ребёнком,
А из чащи сладких сонных детств
Маленькая манит старушонка
Мастерскую Солнца поглядеть.

Там живые пряники и люди
С оленёнком дружат и поют.
Говорит старушка: все там будем,
Когда нас зарежут и убьют.

И блестит кремнистая поляна,
И смотрю я долгий сон во сне,
Как выходит немец из тумана
Навстречу мне.

Антоша

сон

К младенцу Антоше пришёл Христос.
Игрушки и пряники он принёс.
Шептал он тихонько, а в горле ком:
«*Случайно* я создал тебя дураком.
Просто на небе так много дел.
Я не нарочно. Я не хотел.
Теперь уже как-нибудь сам расти.
Прости меня, мальчик, прости».

* * *

И вот куда мы приехали, посмотри:
Дома, деревья и люди неправильной формы.
Сними, подыши и фланелькой очки протри.
Такого, пожалуй, не видели до сих пор мы.

Мы в самом прекрасном и гиблом из мест.
Наш быт незатейлив и жалок.
Мы долго несли, несли и вот принесли свой крест
В сияющий улей извилистых коммуналок.

Наш дом старинен, сосед наш сед.
Запах веков в каждой трещине и щербине.
И что-то счастливое глухо поёт наш сосед,
За шторой фырча и плещась в душевой кабине.

* * *

Ходит Бог по Ленинграду.
Слышал это от людей.
Обещали им награду,
Если точно скажут где.

Говорят, на Петроградке,
Между рынком и кино,
Выходил Он из парадки,
И притом не так давно.

Вот иду теперь за мясом
И за прочею едой
И оглядываюсь: часом
Не вон тот ли, с бородой?

Может, Он вообще не ходит,
Может, Он вообще летит?
Только мне глаза отводит —
На плечах моих сидит?

Может, крохотной частицей
Благодатного огня
Он сумеет уместиться
Прямо в сердце у меня?

* * *

Все — умрём и будем похоронены:
Мама, папа, бабушка и я.
В землю будем семенем уронены:
Вся семья.

К нам придут потомки и потомцы
По весне порядок наводить,
Приведут праправнуков знакомиться,
Будут гладиолусы сажать.

И увижу я в трубу подзорную
Сквозь слои утопанной земли
Их весну, простую и просторную,
Их подошвы, что ко мне пришли.

Не о ком теперь мне беспокоиться,
Некого теперь оберегать.
Я поплачу талою сукровицей:
Тихо, чтобы их не напугать.

Много нами слышано и видано,
Но смирится с истиной одной:
До чего всё просто и обыденно
На земле, в земле и под землёй.

Смерть философа

памяти Жоры

1

Философ лежит в гробу
С багровым пятном на лбу.
Он именно так хотел:
Распасться на сотни тел,
На атомы и белки,
На крохотные огоньки.

А дальше, сказал, ничего:
Обычное вещество.
Не надо прощаться с тем,
Кто так беспомощно нем.
Не надо в путь собирать
Того, кто не может шагать.
Ведь этот — совсем не тот
Раствор солей и кислот.

2

Всё доброе и злое
Оставь в культурном слое.
Уроки и советы,
Пакеты и газеты —
Использував, сминай.
Копи, запоминай.

Несложно ремесло —
Копить культурный слой,

Порядок дат и вех
Запомни: снизу вверх;
Намусорив годок,
Поверх пускай каток.

Когда закончишь жись,
Поверху сам ложись.

* * *

Это стадо сопит и жрёт,
Отдыхая от лемехов.
Не до ваших ему стихов.
Не настанет ничей черёд.

Торжествующее естество,
Поглощающее вещество.

Слои

Земля неподвижна, но только она и идёт
Вперёд неустанно и нас очень скоро сомнёт.
Я слышу: над нами весна, и в нас прорастает трава,
И стынут и вязнут, едва вылетая, слова.

Мой голос из тучи, потомок, мой верхний сосед,
Копай побыстрее, копай, приходи на обед.
Я чайник согрею. Запомни мой адрес простой:

*Постсоветский проспект,
Неолит,
Кайнозой.*

Бывшее

В Вологде, в центре, в излучине грязной реки
Есть одно место: бывшие огороды.
Бывшие яблони, бывшая бузина.
Списанный тёрн.
Отставной крыжовник.
Даже здешний зябкий воздух,
Кажется, уже на пенсии.

Я подростком бегал туда курить.
Сидел у забора, нанизывая
Бычки на колючую проволоку.

Вот и сейчас там виднеется
Чья-то белобрысая голова.
У кого-то там лето.
Кто-то смеётся там так знакомо.

И в вонючей реке
Мелеет остановленное время.

Письма Андрюше

1

Есть ещё такие слова,
От которых гудит голова,
От которых не спишь, не ешь,
Ощущая растущую брешь.
Как тяжёлые пузыри,
Багровеют они внутри,
Словно в росчерке ножевом
На несчастном теле живом.

Например: «Его больше нет».
Например: «Её больше нет».
Например: «Их больше нет».

2

Где мы встретимся, дружище?
Снова у костра, в лесу?
Будем парить сапожищи,
Печь на палке колбасу?

Надо бы договориться,
Ведь динамит ты — талант.
Где? В какой воде, землице,
В небесах, как вариант?

Спирт сухой ещё остался?
Из снаряги что берёшь?
Скажешь, рано я собрался?
Знаешь, сам-то ты хорош.

Я надеюсь, ты всё понял.
И не спрашивай когда.
Выдвигайся. На созвоне.
Мне ведь всё равно туда.

3

Закончим с этим. Занавес. Каюк.
Разложим память по пустым коробкам —
Картонным, цифровым и черепным.

В окне немое дерево растёт
И наши годы над землёй возносит.
Нас не было, когда явились корни,
И вряд ли будем в час, когда листва
Исполнится последней высоты.

Трава волнами всходит и нисходит
В квадрате петроградского двора,
И нам, Андрей, за нею не угнаться.
Давно украден шустрый самокат
С трещотками на спицах... да ты помнишь.

Нева чернеет. Лёд почти пошёл.
Вчера гулял по улице без шапки.
Господь всё так же благ и милосерден.
Вот, в общем-то, и всё из новостей.

4

Нас с тобой отправили за водкой.
Ты пошёл, и я с тобой пошёл.
Вроде и луна светила чётко,
И дорогу знали хорошо,

Но представь: тогда, в две тыщи третьем,
Заблудившись у ларька в снегу,
Мы попали не в своё столетие,
В будущее вышли сквозь пургу.

Громыхаем принесённой тарою,
Только нас уже никто не ждёт.
Все друзья давно уже состарились,
Все седые и никто не пьёт.

Нету Стаси, Оли, нету Исы.
Все давно разъехались, кто мог.
Только старый перечник Борисыч
Тяпнет, побряхтев, на посошок.

Вдоволь посмеёмся мы над ними
И оставим старых дураков.
Очень быть кайфово молодыми,
Как учил Серёга Чиграков.

Мы до них когда-нибудь и сами
Дорастём естественным путём.
А пока они ещё не с нами,
Там они: за днями и часами,
За снегами, вьюгами, ларьками,
Где-то там, когда-нибудь потом.

(из неотравленного, 2011 год)

5

Мы с тобой недотёпы. Молимся Богу на Вы.
Современники, одноклассники всех подряд.
Сотрапезники старших, мы жиже и ниже травы.
Я могу продолжать этот ряд.

Этот перечень малых побед, туманных низин,
Где один — ты никто
И никто — ты один.

6

Эти детские благоглупости,
Эти ранцы, значки и галстуки,
Это жадное умиление
Вместе с нами, увы, уйдёт.

Что останется на поверхности:
Наши лица на фотокарточках,
Никому уже не знакомые;
Умолкшие голоса.

Мне всё кажется, где-то в будущем
Те, кто в нём после нас останутся,
Поступят по-человечески,
То есть просто забудут нас.

7

Интересную передачу
Мне показывают во сне.
Познавательно очень снято
Про тебя, про меня, про нас.

По ночам её повторяют,
Когда я не могу уснуть.
Чем кончается, я не помню.
И кончается ли вообще?

Содержание

Ваня где-то там

«Стоит зелёное ведро...»	5
«Давай я продолжу, а ты начни...»	6
«В далёком детстве адвентисты...»	7
«Бабушка говорит...»	8
«В посёлок по болоту...»	9
Ноги моего отца	10
1982	11
«Хочу всё сжечь: тетради и блокноты...»	12
Памяти Ивана Волоснова	13
«Дети! Учебники к чёрту!..»	14
«Нас кидали сразу за борт...»	15
«Катая, мусолим во рту немоту...»	16
Панельный человек	17
«Науки не найти полезней...»	18
Печальная свадьба	19
Садик	20

Займище

Дожди	23
Потолок	24
Редиска	25
Сентябрь	26
Зима	27
Черенок	28
Черёмухи	29
Ячмень	30

Säer und Schnitter / Сеятель и жнец

Хлеб насущный (из Хорста Ланге)	33
В смутное время (из Давида Гольдфельда)	34
Мост (из Альфреда Маргул-Шпербера)	35
Песня смерти (из Давида Гольдфельда)	36
Похвала преходящему (из Хорста Ланге)	37
Бег года (из Альфреда Маргул-Шпербера)	38

Обычное вещество

«У тебя изломанный зуб коренной...»	41
«Чёрен мой мёд...»	42
«Снится мне, как я иду ребёнком...»	43
Антоша	44
«И вот куда мы приехали, посмотри...»	45
«Ходит Бог по Ленинграду...»	46
«Все — умрём и будем похоронены...»	47
Смерть философа	48
«Это стадо сопит и жрёт...»	50
Слои	51
Бывшее	52

Письма Андрюше

1. «Есть ещё такие слова...»	55
2. «Где мы встретимся, дружище?..»	56
3. «Закончим с этим. Занавес. Каюк...»	57
4. «Нас с тобой отправили за водкой...»	58
5. «Мы с тобой недотёпы. Молимся Богу на Вы...»	59
6. «Эти детские благоглупости...»	60
7. «Интересную передачу...»	61

литературно-художественное издание

Чёрный Антон Владимирович
Зелёное ведро

редактор:

А. Переверзин

художник:

С. Труханов

корректор, технический редактор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 08.12.2014.

Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 4

Тираж 500 экз.

Антон Чёрный родился в 1982 году в Вологде. Учился на филологическом факультете Вологодского государственного университета и в Институте печати в Санкт-Петербурге. Автор книги «Стихи» (2009). Переводчик немецкой и нидерландской поэзии — отдельными изданиями в его переводах выходили стихотворения Георга Гейма (2011) и антология «Поэты Первой мировой» (2014). Стихи публиковались в журналах «Арион», «Новый мир», «Октябрь» и других. Состоит в Союзе российских писателей и Союзе переводчиков России.